

II. Исторических обзор

Рассмотрим различные порядки, сменявшие друг друга во Франции с революции 1789-го года; мы найдём в этом обзоре подтверждение принципа, что правительства – урождённый враг революции и что всякая партия, какой бы революционной она себя не представляла, делается абсолютистской, как только начинает стремиться к власти.

“ «Власть существовала во Франции четырнадцать веков, говорит Прудон. Четырнадцать веков она была свидетельницей усилий среднего сословия учредить общину и основать свободу. Она сама иногда принимала участие в этом движении, сокрушая феодализм и создавая деспотизмом национальное единство. Она даже неоднократно признавала неотъемлемое право народа и для потребностей казны созывала общие собрания. Но она всегда с ужасом смотрела на эти собрания, где раздавался голос, по временам не имевший ничего божественного, голос чисто разума, великий голос народа. Настало время закончить эту великую революцию. Страна сильно требовала её; правительство не могло отговариваться неведением; приходилось уступить или погибнуть»

«Но что такое была эта власть? Могла ли она понять факт и право? Была ли она учреждена для служения свободы?»

«Кто в 1789-м году сделал революцию? – Средний класс»

«Кто в 1789-м году противился революции? – Правительство»

«Несмотря на инициативу, которую оно вынуждено было принять, правительство в 1789-м до такой степени противилось революции, что для принуждения его к ней нации пришлось взяться за оружие, 14 июля было (взятие Бастилии) манифестацией, где народ вёл правительство к суду, как жертву на заклание. Октябрьские дни, федерации 1790-го[63] и 1791-го, возвращение из Варенна[64] – всё это были этапы этого торжественного шествия, которое привело к 21-му января (казнь Людовика XVI-го в 1793-м)»

К несчастью, принялись только за одну форму правительства, за монархию, между тем как следовало поразить сам принцип. Федерации, образовывавшиеся произвольно, со всех сторон, при начале революции, указывали народу путь, которым следовало идти, чтобы

выйти из правительственного и политического порядка и перейти в порядок экономический. Но авторитарная идея не могла быть понята в то время во всей своей полноте. По этой причине, свалив монархию, народ поспешил восстановить власть в форме республики.

Конвент, где господствовали якобинцы, восстановил правительственную власть; он с неистовством законодательствовал, регламентировал, централизовывал и беспощадно карал анархистов Парижской коммуны, желавших ограничить силу центральной власти.

После падения Конвента власть перешла к умеренным, доктринёрам, учредившим Директорию, которая в свою очередь была заменена диктатурой Бонапарта сначала прикрытой именем консульства, а потом провозглашённой открыто под именем Империи. Народ доверился Бонапарту, видя в нём истинного представителя Революции; Конвент, проявивший великую энергию в дни кризиса, показался слишком склонным к насилию; Директория проявила себя слабой и неспособной; оба равно обнаружили своё бессилие привести революцию к цели. По народному же предрассудку, Революцию могло совершить только правительство, и потому полагали целесообразным предпринять опыт, который обещал, казалось, лучший результат, чем предыдущие; надо было создать правительство сильное, которое могло бы сокрушить все противодействия; с этой целью Бонапарт был облечён диктаторской властью и получил поручение завершить Революцию. Но как только абсолютная власть воплотилась в его персоне, он уже не мог действовать наперекор роковому характеру правительства; вместо того, чтобы служить Революции, он пошёл восстанавливать, насколько мог, старый порядок; и народу было дано время раскаяться в своей глупой доверчивости, когда глава государства принялся всюду ставить свою личную волю на место воли граждан, уничтожать все вольности и, наконец, своими завоевательными войнами – естественным наследием стремления власти раздвигать как можно дальше границы своего действия – вызвал против себя восстание всей Европы.

Пришла Реставрация, и французская нация, приписывая разочарования Империи единственно неудачному выбору личности деспота, опять пошла на договор со своим новым повелителем, всё ожидая от правительства счастья себе и осуществления прогресса, желание которого было высказано ещё в депутатских полномочиях 1789-го года[65]. Через несколько лет Карл X-й[66] был обвинён в нарушении договора и выгнан; и что же? Научился ли народ горьким опытом? Открыл ли он наконец глаза и решился ли наконец обойтись без правительства? Нет, первой заботой его было приискать себе господина, который согласился бы занять место выгнанного, и таким образом была учреждена июльская монархия.

Июльская монархия заслуживает более подробного изучения, потому что она подготовила революцию, историю которой мы хотим рассказать.

В 1830-м году доктринёрская партия лишила власти партию консервативную, иначе называемую легитимистской. Эта доктринёрская партия олицетворялась тогда в классе, который, освобождённый с 1789-го и владевший капиталом, стремился один завладеть браздами правления и играть в обществе роль, какую прежде играло феодальное дворянство: это буржуазия. Луи Филипп был её представителем, и если мы хотим знать политику Луи Филиппа, *идею его царствования*, нам надо узнать, чего хотела буржуазия.

Она хотела прежде всего *делать дела*; над мнениями и партиями она смеётся; религию и представительный порядок она соблюдает для формы, но не верит в них. Она желает благосостояния, роскоши, наслаждений; она требует возможности наживаться.

Луи Филиппу была вверена миссия дать царство буржуазной идее, т. е. распространять мораль эгоизма, принцип *каждый сам за себя*, развратить совесть: иные имели принципом божественное право или военную диктатуру, его принципом было *оподление*.

И он достойно выполнил своё назначение, без зазрения совести исполняя дело разложения, подготавливавшее новейшую революцию. Прудон в нескольких замечательных страницах, которые мы должны привести целиком, охарактеризовал это царствование, богатое глубокими поучениями.

“Как подобает развратителю всех принципов, говорит он, Луи Филипп был самый ненавидимый, самый презираемый из государей, тем более ненавидимый и презираемый, что он прекрасно понимал своё назначение»

«Людовик XIV-й царствовал благоговением, которое возбуждала к себе его особа; Сулла[67] и Робеспьер – террором; Бурбоны – реакцией всей Европы против императорского завоевания»

«Луи Филипп первый, единственный царствовавший презрением»

«Уважал ли Луи Филипп Казимира Перье[68]? Любили ли его Лафайет[69], Лафит[70], Дюпон де л'Эр[71]? Я уж не говорю о Талейранах[72], Тьерах[73], Дюпенах[74], Гизо[75] и всех прочих, бывших его министрами; они слишком сами были похожи на своего барина, чтобы иметь о нём высокое мнение. Но видано ли было, например, чтобы академики в своих собраниях произносили похвальные речи Луи Филиппу, подобно тому, как они прославляли великого короля и великого императора? Видано ли было, чтобы в театрах актёры говорили ему приветствия, чтобы в церквях священники ставили его примером, чтобы судьи превозносили его в своих речах? ... А между тем, эти люди, из которых честнейшие были в душе искренними республиканцами, соединившись, подняли Луи Филиппа на щит и, проклиная его, поддерживали его. Лафайет сказал о нём: *Это лучшая республика!* Лафит пожертвовал ему своим богатством, Одилон Барро[76] – своей популярностью, Тьер и Гизо – своими задушевнейшими убеждениями, Дюпон де л'Эр требовал ему 18 миллионов содержания, Казимир Перье погиб на его службе, унося в могилу ненависть республиканцев и проклятие поляков. Как объяснить это соединение таких самопожертвований с такой ненавистью?»

«Как и 18-го брюмера[77] для упрочения колеблющейся революции нужен был человек, так в 1830-м нужен был человек, чтобы сгноить старый мир.

Луи Филипп был этим человеком»

«Вглядитесь в него поближе: он развратитель, наивный и добросовестный. Сам стоящий выше клеветы, безупречный в своей частной жизни, он развратитель и сам не развратный, он знает, чего хочет и что делает. Гнусная судьба зовёт самоотверженно, радостно, без всяких упрёков совести. В руках у него ключи от всех совестей; ничья воля не может противиться ему. Политику, толкующему ему о желаниях края, он предлагает казённое место для сына; священника, беседующего с ним о нуждах церкви, он спрашивает, сколько у него любовниц. Совесть тысячами валяется перед ним, как перед Наполеоном валились солдаты на поле битвы, и как император невозмутимо смотрел на эту резню, так и Луи Филипп не трогается зрелищем этого душегубства»

«Пусть подлецы, которых он подкупает, отрекаются за место, за патент от всего, что они считают ещё добродетелью, правдой и честью – это их дело, их позор»

«Но он, глава государства, представитель общества, чем он безнравствен? Для него нравственность не состоит ли в том именно, чтобы приносить в жертву прогрессу эти трупные души? В том, чтобы *per fas et nefas*[78] помогать свершению судеб?»

«Решимся сказать: он был человеком нравственным, потому что человеком эпохи был именно Луи Филипп. Не убоимся слова подлость, столь ужасного для наших больных совестей: подлость была нравственностью июльского правительства»

«Луи Филипп один во всей Европе оставался с 1830-го года постоянен в своей роли, и потому до часа, предопределённого на его отречение, всё удавалось ему. Он уцелел от пуль цареубийц, у которых мысль была темна и рука не тверда; он победил партии и интриги; всем им ненавистный, он всех их подчинил и не боялся их смелости. Сам по себе слабый, как государь и как монарх, лишённый обаяния, он тем не менее был человеком судьбы, и мир поклонялся ему; антагонизм принципов, против которых боролся он, составлял его силу»

«Нужно быть очень мелочным, чтобы не понимать глубины и величия такой роли. Как? Луи Филипп ни что иное, как презренный плут, подлый скряга, бессовестная душа, ограниченная голова, себялюбивый буржуа, скучный болтун; его правительство, может быть, ещё ниже его. Его собственные министры сами сознаются во всё этом; его оставленные министры кричат об этом; Франция знает это; парижский гамен[79] повторяет это; никто, никто не скажет о нём доброго слова. Лафайет, Дюпон де л'Эр, Лафит, Казимир Перье – все они один за другим, говорили о нём площадным языком: *свинья надует нас!* И это продолжалось восемнадцать лет! Всё,

что во Франции было великодушного, жизненного, геройского обратилось в прах перед этим разрушительным влиянием; всё заразилось порчей; гной полез у нас из ушей и из носа, и Франция восемнадцать лет не шевелилась. И теперь, когда он пал, когда республика раздавила подлеца, Франция жалеет о нём! Неужели не всё ещё кончено? Нет, ради чести моей Родины, ради уважения французского имени, я не могу верить такой силе зла. Этот человек, на которого вы взваливаете ваши неправды, которого вы обвиняете в ваших гадостях, по-моему, есть Аттила развращённых совестей, последний бич революционного правосудия»

«Ломать характеры, разрушать убеждения, сводить всё к торгашескому позитивизму, всё к деньгам, до того дня, когда денежная теория провозгласит час и принцип возрождения[80] – таково было дело Луи Филиппа. Всё, в чём упрекают Луи Филиппа – узкость его видов, его мелочная хитрость, его пошлость, его сплетничество, его безвкусие, его пустое многословие, его ипохондрическая филантропия, его заигрывания с ханжеством – всё это, по-моему, верх совершенства как меткая ирония. Что можно придумать более убийственного для вашей парламентской болтовни, как эти коронные речи, ничего не высказывающие именно потому, что законодателям в 500 франков налога с головы (и в 25 франков жалования) действительно нечего сказать?»

«Жизнь Луи Филиппа была неполна; царствованию его недоставало бы существенной черты, если бы он не нашёл, наконец, себе достойного министра. Таков был господин Гизо, который, по свидетельству даже врагов и соперников, был всегда чужд всякой страсти, исключая властолюбия. Подобно своему повелителю, оставаясь чистым среди растления своих жертв, этот обер-развратитель мог сказать о себе словами псалмопевца: Non arripuiquabit ad me malem – разврат не доходит до меня. Он один знал *идею царствования*. Он был другом Луи Филиппа. Да, ты был высок, о великий министр, о великий человек, когда на банкете в Лизье смело открыл тайну своей власти в тосте в честь разврата[81]. Да, эти легитимисты, эти радикалы, эти оппозиционные пуритане, эти иезуиты, эти экономисты – всё это подлые каналы[82], рабы своей чувственности и гордости, и ты знал, что ладонью, полной золота всегда можно справиться с ними. Эти моралисты состоят на содержании у старых куртизанок; эти артисты – слуги роскоши и разврата; поток их душевной грязи течёт у ног твоих, не марая их. Ты был прав, сказав об этих мнимых прогрессивистах, не имеющих даже храбрости сознаться себе в своей продажности – они не знают себя. Но ты их знаешь, ты знаешь тариф их добродетели; и, если они делают вид, будто отрекаются от тебя, ты одобряешь и это: тем лучше, они дошли до апогея порока, это подлецы не добросовестные»

«Увы! Надо думать, что разврат совести, бывший столь сильным оружием в руках этих двух людей, не есть естественное состояние, к которому судьба предопределила людей. Иначе господин Гизо был бы до сих пор министром, и династия Луи Филиппа царствовала бы вечно. Капитал утвердился в 1830-м как единственный принцип, имевший шансы на долговечность после божественного права и права силы; в 1848-м году оказалось, что правление капитала есть чума для общества, мерзость запустения. Парламентская ссора повергла в грязь блудницу. Те же буржуа, которые с восторгом приветствовали вступление Луи Филиппа на престол, свергли его в припадке отвращения; общественная совесть снова поднялась против вершителя высшей воли. За рядами национальной гвардии оказался народ, давший катастрофе её истинное значение. Восемнадцать лет ждал он от буржуазии этой инициативы и был наготове. Мои современники могут отрицать это, если посмеют, или восстановить дело, если могут. Но я, не будучи ни вчерашним купленным, ни завтрашним ренегатом, я клянусь, что низвергнув созданную династию, французская буржуазия разрушила в себе принцип собственности»

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 18:51:33

Зверобой обновил 11 апреля 2025 18:53:20